

УДК 811.111

DOI 10.21661/r-115556

Е.А. Мартемьянова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

***Аннотация:** в статье рассматриваются такие аспекты текста, как эмотивность и эмоциогенность, приводится обоснование выделения нового типа репрезентации эмотивной ситуации с множественным субъектом состояния в современном англоязычном тексте.*

***Ключевые слова:** репрезентация, эмоция, эмотивность, эмотивная ситуация, множественный субъект состояния, эмоциогенность, эмоциональное напряжение.*

Е.А. Martemianova

REPRESENTATION OF EMOTIONAL TENSION IN THE CONTEMPORARY ENGLISH TEXT

***Abstract:** the article deals with emotive and emotiogenic aspects of the written text and explains the necessity of introducing the new type of representation of emotive situations with multiple subject of state in the contemporary English text.*

***Keywords:** representation, emotion, emotivity, emotive situation, multiple subject of state, emotiogenic, emotional tension.*

Одним из наиболее перспективных и активно развивающихся направлений современной лингвистики является эмоциология текста, в рамках которой изучается репрезентация эмоций в тексте. При этом исследователи обращают внимание на такие аспекты текста, как «эмоциогенность» и «эмотивность». Как отмечает В.А. Маслова: «Всякое содержание текста является потенциально эмоциогенным, ибо всегда найдется реципиент, для которого это содержание окажется личностно значимым. В этом смысле эмоциогенный эффект может возникнуть и независимо от специфики языковых средств, которыми передается содержание, ибо в данном случае он зависит только от содержания и личности реци-

пиента» [4, с. 185]. Эмотивный текст связан с трансляцией эмоционального состояния языковой личности. Изучая эмотивность текста, С.В. Ионова отмечает двусторонний характер текстовой эмотивности: «Эмотивность в тексте является отражением различных аспектов человеческой эмоциональности и в то же время является характеристикой языковых и текстовых средств, служащих для кодирования эмотивного содержания» [1, с. 8]. Эмотивные языковые средства не обеспечивают обязательный эмоциогенный эффект, но они «неизмеримо увеличивают вероятность эмоционального воздействия текста» [4, с. 185].

В связи с этим особый интерес представляют исследования, направленные на изучение эмоциогенности текста, обусловленной использованием эмотивных языковых средств. Так, исследование немецкого лингвиста Ф. Унгерера [6] посвящено изучению эмоционального воздействия публицистического текста. Автор отмечает, что публицистические тексты обычно не причисляются к эмотивным жанрам, однако многие из них, несомненно, оказывают эмоциональное воздействие на читателя. «Эмоциональные аспекты сообщаемых событий относятся либо к участникам события (например, злой или довольный премьер-министр), либо к осуществляемым действиям (например, люди освистывают премьер-министра или аплодируют королеве)» [6, р. 309]. В обоих случаях используется лексика, репрезентирующая эмоциональное состояние субъекта, однако описываемые эмоции не эквивалентны эмоциям, возникающим у читателя. Поскольку в интересы исследователя входят оба аспекта – и эмоциогенность, и эмотивность – Ф. Унгерер разграничивает такие понятия, как «описываемая эмоция» (described emotion) и «возбуждаемая эмоция» (invoked emotion). Исследователь выявляет стратегии автора, используемые при описании событий, имеющих общественную значимость, как в желтой прессе, так и в качественной публицистике. В результате анализа было установлено, что отличаются не только языковые средства репрезентации события, но и возбуждаемые эмоции.

Материалом настоящего исследования также является современный англоязычный эмотивный текст средств массовой информации и художественной ли-

тературы, однако наше внимание направлено на отраженные эмотивные ситуации с множественным субъектом состояния. Под эмотивной ситуацией с множественным субъектом состояния мы понимаем реальную или воображаемую ситуацию, в которой субъект испытывает определенные эмоции. Продуктивность разграничения эмотивных ситуаций по количеству субъектов, испытывающих эмоции, была обоснована О.Е. Филимоновой [3].

Последующий анализ структурно-композиционных, лексико-семантических и стилистических свойств современного англоязычного текста СМИ и текста художественной литературы позволил выделить нескольких типов репрезентации подобных ситуаций, а именно репрезентацию эмотивных ситуаций с дискретным и недискретным множественным субъектом состояния, ритуализированного взаимодействия субъектов, а также эмоционального климата страны/города [2].

В эмотивных фрагментах текста, содержащих репрезентацию данных ситуаций, можно определить множественный субъект, испытываемую им эмоцию и причину ее появления, а также место и время, в которое осуществляется данная ситуация. Множественный субъект состояния может быть выражен эксплицитно или имплицитно. Однако проведенное исследование позволило выявить такой тип ситуации, который при общей схожести не попадает под выделенные типы репрезентации. Рассмотрим следующий пример:

«He pushed open the door, and a hideous cheesy smell of sour beer hit him in the face. As he entered the din of voices dropped to about half its volume. Behind his back he could feel everyone eyeing his blue overalls. A game of darts which was going on at the other end of the room interrupted itself for perhaps as much as thirty seconds. The old man whom he had followed was standing at the bar, having some kind of altercation with the barman, a large, stout, hook-nosed young man with enormous forearms. A knot of others, standing round with glasses in their hands, were watching the scene...There was a shout of laughter, and the uneasiness caused by Winston's entry seemed to disappear. The old man's white stubbled face had flushed pink. He turned

away, muttering to himself, and bumped into Winston. Winston caught him gently by the arm» [Orwell, p. 110–111].

Анализ вертикального контекста показывает, что эмотивная ситуация происходит в баре. В ситуации задействованы все посетители бара, при этом в тексте отсутствует указание на какую-либо эмоцию. Также нельзя сказать, что это дискретный множественный субъект состояния, поскольку он не связан единой эмоцией, а является скорее комбинацией множественных субъектов. Размеренное повествование прерывается подробным описанием действий присутствующих, которые в свою очередь разделены на малочисленные группы. Их связывает общая реакция на событие – приход нового посетителя. Анализ фонацем (*the din of voices dropped*) и кинем (*he could feel everyone eyeing his blue overalls, a game of darts which...interrupted itself*) позволяет определить, что возникла ситуация эмоционального напряжения, поскольку посетители стали говорить тише или вовсе прекратили, наблюдая за действиями пришедшего. Усилительная конструкция *as much as* в сочетании с коротким периодом *thirty seconds* подчеркивает уникальность события. Подробное описание изменившейся атмосферы бара подводит читателя к самостоятельному умозаключению, которое впоследствии подтверждается автором как *uneasiness*, что не является эмоцией, а только указывает на эмоциональную напряженность. Впоследствии автор снимает данное напряжение и дополнительно номинирует возвращение атмосферы в прежнее состояние фразой «*Winston's presence was forgotten for a moment*» [Orwell, p. 111].

Малочисленность и разрозненность субъекта не является обязательным условием для создания ситуации эмоционального напряжения. Так, в следующем примере множественным субъектом является толпа – *crowd*. Анализируемый текст представляет собой интервью с известной спортсменкой, чье имя вынесено в название: «*Comaneci knows the pressure Russian teen prodigy Lipnitskaya is under*». Однако статью нельзя отнести к определенному жанру публицистического текста, поскольку она также включает элементы репортажа, что обращает на себя внимание с первых строчек: «*There is plain silence, and then there is the sort of silence that smothers the Iceberg Skating Palace when a little girl named*

Yulia Lipnitskaya kneels near the center of the ice and waits for the music to begin». Этим приемом автор погружает читателя в атмосферу события. Автор не номинирует эмоцию множественного субъекта, как и сам множественный субъект, однако его можно определить из контекста. Лексема *silence* усилена эпитетом *plain silence*, а также метафорой *the sort of silence that smothers the Iceberg Skating Palace*, что указывает не просто на тишину в ледовом дворце, а на наличие эмоционального напряжения. Как и в предыдущем примере, эмотивная ситуация включает в себя некое событие и наблюдателей. Событием является выступление фигуристки, наблюдатели представлены зрителями. Эмоциональное напряжение возникает в результате взаимодействия недискретного множественного субъекта состояния и единичного субъекта

Недискретность множественного субъекта раскрывается далее в тексте статьи: «*And she begins. She is so light and small, you wonder if her skates even make a sound on the ice. She builds up speed. Her first jump is a combination triple Lutz-triple toe loop. Someone says this will tell us everything about her nerves. The silence of the mostly Russian crowd has never broken. When she lands the first jump, there are halted cheers. When she lands the second, the noise seems loud enough to lift her off the ice*». Фрагмент начинается с повторной номинации эмоционального напряжения (*the silence*) с усилительной конструкцией (*has never broken*). В данном фрагменте автор использует лексему *crowd*, что указывает на недискретность множественного субъекта. При этом анализ фонацем (*halted cheers, the noise*) позволяет констатировать изменение эмоционального напряжения на оформление эмоции множественного субъекта – *excitement*. Как и в первом примере, эмоциональное напряжение длится некоторое время и далее снимается автором. Однако в данном случае развитие ситуации представляет особый интерес.

Элементы репортажа чередуются элементами интервью, которые мы опускаем, поскольку они не влияют на развитие эмотивной ситуации. Рассмотрим следующий эмотивный фрагмент: «*The crowd can begin to sense something wonderful is happening and their cheers begin to crescendo. Lipnitskaya seems to sense their confidence, and she skates a little faster... As Lipnitskaya makes her way around*

for her third and final jump of the short program, *there is a lot of noise and joy and everyone senses her conviction, her self-assurance*».

Глагол *to sense* встречается трижды, что также символизирует некое эмоциональное напряжение, однако использование автором фоначем *cheers, a lot of noise* и лексемы *joy* позволяет утверждать, что данное эмоциональное напряжение носит положительный характер. Лексемы *confidence, conviction* и *self-assurance* свидетельствуют о сочетании эмоции радости с чувством надежды, что в целом указывает на эмоциональную кульминацию репортажа. Автор продолжает: «*And then, on the third jump, Lipnitskaya falls... The gasps throughout the arena are, in their own way, louder than any cheers. She finishes her routine in an airless arena and then is met with thunderous applause. Bouquets and teddy bears rain on the ice*». Первой фразой автор повторно снимает напряжение и далее репрезентирует эмоцию радости у множественного субъекта. Однако необходимо вернуться к выводу немецкого лингвиста Ф. Унгерера о неэквивалентности описываемых и возбуждаемых эмоций. В то время как множественный субъект испытывал эмоциональное напряжение положительного характера, эмоциональное напряжение читателя постоянно прерывалось элементами интервью. Эмотивный текст заканчивается репрезентацией испытываемой множественным субъектом эмоции радости, однако эмоция читателя также представляет научный интерес. Автор завершает статью философским высказыванием интервьюируемой спортсменки: «*Then she laughed a little bit. «Well, ” she said, «fortunately, four years is not so long a time when you are young*». Фоначема *laughed* свидетельствует об эмоции радости, что, возможно, подводит читателя к схожей эмоции.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить новый тип репрезентации эмотивной ситуации с множественным субъектом состояния, а именно репрезентацию эмоционального напряжения, возникающего в результате взаимодействия, которое схематично можно представить следующим образом (рис. 1).

взаимодействие

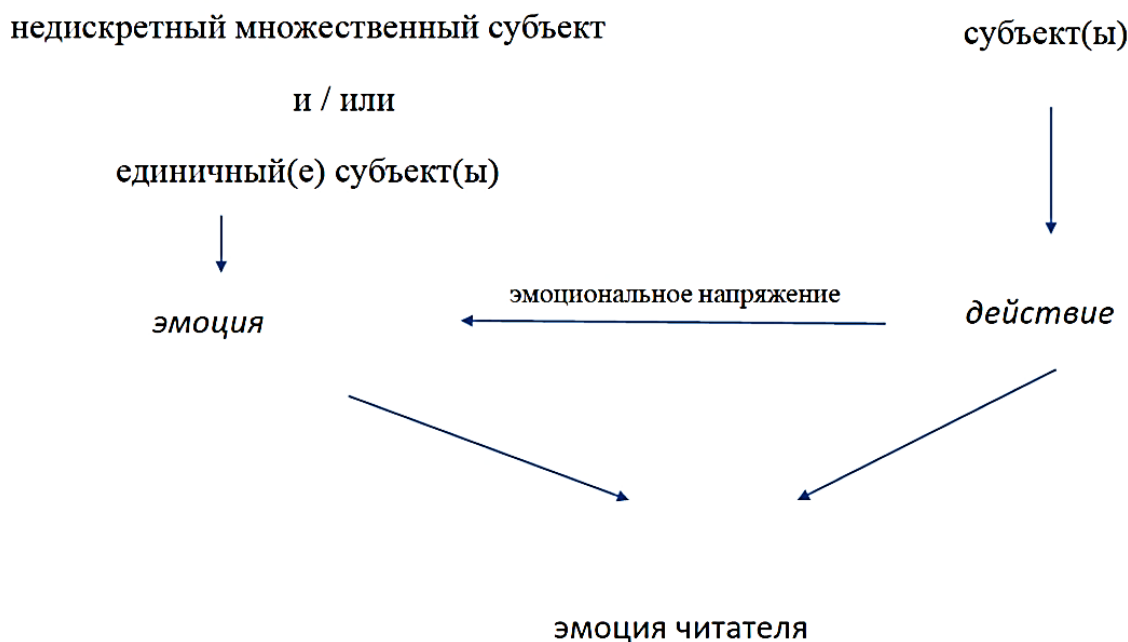


Рис. 1

Несомненно, чтобы изучить механизмы воздействия фрагментов текста, содержащих репрезентацию эмотивной ситуации подобного типа, на читателя, необходим подробный анализ большого количества практического материала. Тем не менее на данный момент можно констатировать необходимость подобного анализа для изучения эмотиогенности текста.

Список литературы

1. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 19 с.
2. Мартемьянова Е.А. Дискретность множественного субъекта состояния [Текст] / Е.А. Мартемьянова // Образование и наука в современных условиях: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 8.10.2016) / Редкол. О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС Интерактив плюс, 2016. – №4 (9). – С. 176–178.
3. Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / О.Е. Филимонова. – СПб., 2001. – 44 с.

4. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

5. Comaneci knows the pressure Russian teen prodigy Lipnitskaya is under // NBC. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbcolympics.com/nadia-comaneci-yulia-lipnitskaya-prodigy-pressure-posnanski>

6. Ungerer F. Emotions and emotional language in English and German news stories / F. Ungerer // The language of Emotions. – 1997. – P. 307–328.

Мартемьянова Екатерина Андреевна – канд. филол. наук, доцент ФГКВОУ ВО «Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного», Россия, Санкт-Петербург.

Martemianova Ekaterina Andreevna – candidate of philological sciences, associate professor FSBMEI of HE “USSR Marshal S.M. Budenny Military Academy of Communication”, Russia, Saint Petersburg.
